

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 4, Pp. 750–758, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94[47].084.9

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-750-758

Торговые связи калмыков в XVIII в.

Максим Манчиевич Батмаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-2233-0647. E-mail: [batmaev44\[at\]mail.ru](mailto:batmaev44[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Батмаев М. М., 2024

Аннотация. *Введение.* О состоянии калмыцкой торговли и торговых связей в дореволюционное время, в том числе в XVIII в., специальные работы отсутствуют. Разрозненные краткие сведения о них можно найти в некоторых работах досоветских и советских историков. Постперестроечное время также отмечено отсутствием внимания исследователей к данной теме. Между тем без изучения и освещения состояния торговли вообще и внешнеторговых отношений в частности, нельзя создать полное знание об исторической жизни калмыков в тот или иной период их истории. *Целью* предлагаемой статьи является не только расширить конкретное знание о состоянии калмыцкой торговли в XVIII в., но и обратить внимание на актуальность дальнейшего расширенного изучения темы. *Материалы и методы.* Для решения поставленной задачи привлечен впервые вводимый в научный оборот архивный материал, взятый в основном из фонда И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе» Национального архива Республики Калмыкия. Для достижения в работе наиболее возможного правильного выбора материала и его анализа применялись историко-сравнительный и аналитический методы. *Результаты.* В калмыцком обществе XVIII в. развитие торговли и ее содержание определялись кочевой спецификой хозяйства и быта. Многие хозяйственно-бытовые принадлежности не могли производиться непосредственно в улусах, их приходилось покупать. Недостаточность денежных средств приводила к тому, что калмыки часто приобретали необходимое простым обменом на скот и на продукты скотоводства. Они не совсем хорошо разбирались в тонкостях и особенностях торговых отношений, поэтому часто в непосредственных торговых операциях инициативу захватывали торговцы оседлых народов. Особенностью калмыцкой торговли XVIII в. являлось то обстоятельство, что в ней большую роль играли армяне, выходящие из крымского ханства.

Ключевые слова: калмыки, торговля, армяне Крыма, пошлины

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Батмаев М. М. Торговые связи калмыков в XVIII в. // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 4. С. 750–758. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-750-758

Eighteenth-Century Trade Ties of Kalmyks

Maksim M. Batmaev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

0000-0002-2233-0647. E-mail: batmaev44[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Batmaev M. M., 2024

Abstract. *Introduction.* There are virtually no works dealing with Kalmyk trade and trade relations in the pre-revolutionary — including the eighteenth century — period. Only some scattered and brief messages can be found in works of pre-Soviet and Soviet historians. The post-perestroika era also lacks research attention to the topic. Meanwhile, it is impossible to attain a complete understanding of historical life throughout certain periods without insights into trade affairs at large — and foreign trade relations in particular. *Goals.* So, the paper seeks both to expand our knowledge of eighteenth-century Kalmyk trade and draw attention to the need of further extended research into the topic. *Materials and methods.* To facilitate these, the work analyzes and introduces archival material largely discovered in Collection И-36 ('Kalmyk Affairs Inspector under Astrakhan Governor') at the National Archive of Kalmykia. The historical comparative and analytical methods have been identified as most instrumental herein. *Results.* In eighteenth-century Kalmyk society, the development of trade and its essentials were determined by the specific nomadic economy and life. Many household utensils could not be produced directly in the steppe and were to be purchased from outside. Lack of cash implied that Kalmyks often acquired what they needed by simply exchanging it for cattle and livestock products. They were not that skilled in ins and outs of trade relations, so sedentary traders would often take the initiative in direct trade operations. Eighteenth-century Kalmyk trade was distinguished by that Armenians native to the Crimean Khanate would play a major role in the process.

Keywords: Kalmyks, trade, Armenians of the Crimea, duties

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Batmaev M. M. Eighteenth-Century Trade Ties of Kalmyks. *Oriental Studies*. 2024. 17 (4): 750–758. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-750-758

1. Введение

Восемнадцатый век был важным этапом в истории калмыцкого народа, разделяемым событиями 1771 г. на две части. Первая часть — это время, когда шел плавный естественный процесс аккультурации калмыками новых географических, политических и наводонаселенческих условий. Как нам представляется, процесс этот завершился именно в первой половине XVIII в. В процесс аккультурации составной частью входили и внешнеторговые отношения калмыков с ближним и дальним окружающим населением. Разумеется, в этом направлении решающая роль принадлежала русскому населению. Именно у него в первую очередь калмыки заимствовали новые для них хозяйственно-бытовые

предметы и приемы их освоения и применения. Вместе с тем на юге европейской части России проживали и другие народы или же крупные поселения их представителей. Постоянное соседство с калмыками не могло не иметь и их влияния, проявлявшегося в различной степени.

Сказанное закономерно приводит нас к выводу, что, занимаясь историей калмыцкого народа и пытаясь осветить ее наиболее полно, надо изучать и различные контакты их со всеми соседями, и с большими, и с малыми. Между тем историография указанной проблемы не является полной. Отдельные сведения по этой теме имеются в работах дореволюционных авторов, которые по большей части были представителями

царской администрации, по долгу службы занимавшимися калмыцкими делами. Как бы там ни было, мы должны отдать им должное, что они не ограничивались только чиновничьими обязанностями. Работы Н. А. Нефедьева [Нефедьев 1834], П. И. Небольсина [Небольсин 1852], К. И. Костенкова [Костенков 1870], И. А. Житецкого [Житецкий 1893], А. И. Карагодина [Карагодин 1981] до сих пор служат подспорьем при работе по различным тематикам. В советское время и вплоть до наших дней, насколько нам известно, специальные работы, анализирующие внешнеторговые связи калмыков именно в XVIII в., отсутствуют.

2. Материалы и методы

Для решения поставленной задачи привлечен впервые вводимый в научный оборот архивный материал фонда Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК) И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе». В работе также использовались документы, хранящиеся в фондах Архива внешней политики Российской Империи (далее — АВПРИ) «Калмыцкие дела». Для достижения в работе наиболее возможного правильного выбора материала и его анализа применялись историко-сравнительный и аналитический методы.

3. Торговые связи в XVIII в.

В письме Джалы, жены старшего сына хана Аюки Чакдорчаба, от 13 января 1713 г. астраханскому коменданту М. И. Чирикову сообщается, что она посылала своих людей в «Дербен и к шахову величеству», и посланца ее в Дербене и в Уме «ограбили... а к шахову величеству не пропустили» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 3]. Действия властей городов Дербента и Ума, видимо, сильно задела Джалу, поскольку она заявляет в письме, что если персидские послы впредь будут в Астрахани, то она велит своим людям их разграбить («велю взять барантою») [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 3]. Она предупреждает М. И. Чирикова: «Вам бы о том на меня гневу не держать» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 3]. В конце письма Джала оповещает о своем желании поехать

к Далай-ламе. Очевидно, она посылала своих людей за покупками именно для этого дела [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 3].

Итак, в XVIII в. калмыки, по крайней мере их знатный слой, имели отношения с Персией. Так, в конце 1714 г. к Аюке приезжал от шаха персидский посол [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 7. Л. 56об.] В марте 1716 г. сообщается, что в Персию отправляются посланцы от Аюки, Дармы-Балы, от их сына Церен-Дондука, от сестры Аюки Доржи-Раптан, Чагдорджаба и от его старшего сына Досанга, Доржи Назарова, Дондук-Омбо, дербетского Четеря и ряда младших владельцев. Все посольство насчитывало 103 человека [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 22]. В этом же году, в августе 31 числа, Аюка пишет коменданту Эваницкому: «...а шахова посыльщика изволь ко мне отпустить в лотке» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 6. Л. 120]. Хан Аюка также оказался опосредованно втянутым в торговые операции: 31 января 1715 г. он дал хивинцу Ишимачи бумагу за печатью, что он торгует от него, Аюки, и чтобы с него, т. е. хивинца, пошлин не брали. В другом случае он оповещал М. И. Чирикова, что в Москве продавал ханских лошадей некий бухарец. Выручил от продажи 60 рублей, и те деньги не передал ему. Аюка просил разыскать того человека и вернуть ему деньги [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 15, 118]. Руководитель калмыцких дел Д. Е. Ефремов, бывший у Аюки в июле 1720 г., доносил в Государственную коллегию иностранных дел: «С хивинским послом было немалое число купецких людей, и ныне от хана отправляются они в Хиву, и признаваю, что и калмыки и ханского владенья трухменцы и бухарцы пойдут для торгов в Бухары и в Хиву» [АВПРИ. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 119/1. 1720. № 7. Л. 18об.].

Интересный материал находится в указе канцлера Г. И. Головкина из Санкт-Петербурга генерал-майору А. И. Тараканову в Царицын, полученный там 13 августа 1733 г. В 1731 г. Церен-Дондук и Дарма-Бала отправили посланца Достак в Персию с поздравлением шаха Тахмасиба (Тахмаспа) с восшествием на престол и с просьбой «по древнему обычаю денежной дачи». Достак возвращался домой через Хиву, из Гурьева он был отправлен в том же 1731 г. в Москву

и там содержался. 8 июня 1733 г. Коллегия иностранных дел определила отправить его в улусы. А. И. Тараканову велено было объявить Церен-Дондуку, что та их посылка Достак к шаху «весьма противна», так как еще хан Аюка согласился в договоре, что как поданный России, без указа сверху с иностранными державами отношений иметь не будет. Ныне «оную их продерзость» оставляют без последствий, но впредь таких посланцев чтоб не было [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 64. Л. 5–8].

Между тем в первой половине 1730-х гг., в связи с самовольными действиями Дондук-Омбо, подчинение калмыцкой знати распоряжениям правительства ослабло. Особую тревогу вызывала возможность сговора мятежного нойона с турецко-крымской местной администрацией городков и крепостей. В апреле 1732 г. Дондук-Омбо кочевал между Доном и Кумою на реке Калаус. К нему был послан из Кабарды полковник Эльмурза Черкасский, который уговаривал мятежника вернуться к Волге. Дондук-Омбо дал присягу, что на Кубань не перейдет, а когда его с ханом Церен-Дондуком помирят, то он вернется на прежние свои кочевья «тужат, что от Волги отстали и весьма желают паки к Волге возвратится, только владельцы за опасностию российских войск оттуда не идут» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 49. Л. 523, 553]. Вскоре так оно и случилось. Вполне возможно, что здесь положительную роль сыграло то обстоятельство, что простые калмыки, ушедшие по воле Дондук-Омбо на Кубань [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 49. Л. 502]. Раздоры и междоусобицы нойонов устранились, и народ возвращался к мирной жизни, в которой немалую роль играла торговля, в том числе и внешняя. Однако правила внутренней и внешней торговли нормировались и становились более строгими. В июне 1748 г. управляющий калмыцкими делами полковник Н. Г. Спицын получил от астраханского губернатора И. А. Брылкина ордер. В нем предписывалось сообщить наместнику Дондук-Даши, чтобы направляемых от него для торговли и других нужд в Дербетевы улусы, в Донские станицы, в Яицкий городок и в Оренбург калмыков «самых, при письмах его, с прописанием

имен их, для принятия паспортов» присылать к губернатору [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 228. Л. 295].

22 февраля 1734 г. судья Ф. И. Черкесов доносил в Астраханскую губернскую канцелярию татарских и калмыцких дел: по имеющейся в астраханской конторе татарских и калмыцких дел инструкции пунктом 13 указывалось, чтобы ясырей не пропускать (пленных, превращенных в рабов) в другие государства и народы. По справке же той же конторы «ныне в покупке от калмык у астраханских юртовских татар ясырей калмыцкого народу многое число» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 69. Л. 293]. 27 апреля 1749 г. Н. Г. Спицын в Енотаевске получил от наместника ответ на запрос: о причинах продажи калмыками лошадей кумыкам. Наместник пояснил, что его подвластные зимой продавали лошадей кумыкам потому, «что в нынешнее де лето потребны деньги к отсылке, по их калмыцкому закону, к Далай-ламе» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 235. Л. 118]. К тому же наместник отмечал, что кумыки — российские подданные. Запрос Н. Г. Спицына был вызван тем обстоятельством, что калмыкам лошадей продавать за пределы Российской империи было запрещено [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 235. Л. 118]. Однако в архивных делах сохранилось и другое свидетельство: доношение Коллегии иностранных дел Правительствующему Сенату от 8 марта 1759 г. Здесь речь идет о том, что в Кизляре были задержаны товары калмыцкого хана, вырученные от продажи за границей 3 000 лошадей, так как с них таможня хотела взять пошлины. Коллегия, ссылаясь на указы от 1719 г., таможенный устав от 1 декабря 1755 г. и на другие прецеденты, высказала мнение, что с товаров на сумму до 3 000 рублей пошлины брать не следует, что и было подтверждено указом Сената от 5 апреля 1759 г. с тем уточнением, что сверх этой суммы надо брать [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 320. Л. 108об.].

Надо отметить, что почти на протяжении всего XVIII в. калмыкам запрещалось гонять в Кабарду и другие заграничные места лошадей, коров и верблюдов. На запрещение калмыкам ездить с торгом на Кубань Дондук-Даши отвечал И. А. Брылкину, что

ведь русские и из других стран купцы ездят с торгом в другие государства в мирное время [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 246. Л. 246].

Заботился наместник и о безопасности торговых путей, проходивших через территорию калмыцких улусов. Так, в 1750 г. он собрал всех владельцев (нойонов) и зайсангов для розыска калмыков, ограбивших русский караван, шедший из Оренбурга в Москву. Обнаруженных виновных побили плетью по 50 ударов и выкололи по одному глазу. Все были предупреждены, что впредь так будет со всеми виновными в грабежах. «Ежели кто ис калмык учинит российским людям воровство, а означенных воров (4 человек, ограбивших караван. — М. Б.) товарищи сысканы будут и бес такого ж штрафа... оставлены не будут. Оных же воров зайсанг от аймаку своего лишен, да и чином тем называться не велено» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 252. Л. 223–224]. Забота наместника, а позже хана Дондук-Даши распространялась на рабочих людей. Лицам, контролировавшим ход торговли в определенных местах, выдавались «паспорта». Вот выписка из одного такого документа: «Объявителя сего... калмыченина Улюмжу, которой определен от него, хана, для бытия против села Воскресенского на луговой стороне при калмыцком торгу для наблюдения происходимого между россиан и калмык воровства и несправедливостей бодокчеем» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 321. Л. 261]. Такой же торг и при нем бодокчей были во многих нижеволжских городах и некоторых крупных селах; например, на луговой стороне Волги против села Малыковки [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 321. Л. 263].

При знакомстве с архивными материалами о состоянии внутренней и внешней торговли у калмыков в XVIII в. неизменно отмечается крупная роль в ней, особенно во второй половине века, армян. Так, в мае 1743 г. армянин Макар Антонов просил отпустить его из Астрахани в калмыцкие улусы «для собрания с калмык долговых своих денег» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 173. Л. 176]. В 1744 г. «подданный ея императорского величества» астраханский житель армянин Петрос Варганов «желает ехать в калмыцкие улусы для сбора имею-

щихся на калмыках его долговых денег, а также для продажи разного мелочного товара» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 176. Л. 380]. 18 мая 1759 г. астраханский губернатор А. С. Жилин писал в то время уже хану Дондук-Даши: «Изволите требовать, дабы тифлисскому армянину Ахпу дозволить на калмыцком базаре, состоящим на Митиной косе, вино и муку продавать». Губернатор был краток: «муку можно, а вино нельзя» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 320. Л. 86]. Итак, из сказанного вытекает, что к рассматриваемому времени армяне давно торговали и уже имели должников. Второе, очень важное, обстоятельство — армяне жили в разных местах: в Астрахани и в Тбилиси. Предположительно, что в названных городах, особенно в Астрахани, они были пришлыми людьми, а родом они были из другого места. Об этом будет сказано ниже.

Армяне брали в долг деньги и у калмыков. Так, в сентябре 1756 г. Дондук-Даши писал А. С. Жилину, что у назначенного руководителя базаром при наместнике Намки, подчиненный губернатора армянин Харбет прошлой осенью взял в долг тридцать три рубля и до сих пор не платит. По словам Дондук-Даши, ныне он поехал за деньгами, и так как Намки «здешней наш базар непрестанно надзирает и только для сего дела отправился», т. е. для получения с Харбета долга «буде же оное промедлится, то ему, здесь базар оставя, долго медлить невозможно» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 294. Л. 510].

Среди армян, связанных с калмыками торговыми отношениями, высокое место занимали крымские армяне. Например, Аслан Иванисов был родом из Бахчисарая, откуда в 1727 г. по собственному желанию с двумя армянами приехал в калмыцкие улусы и сначала находился для услуг при Досанге, потом при его сыне Чидане, вместе с которым уходил на Кубань к Дондук-Омбо, когда последний находился там во время междоусобицы. Когда Чидан был убит Галдан-Норбо по приказу отца, т. е. Дондук-Омбо, то А. Иванисов присоединился к последнему. С ним он вернулся на Волгу, и с того времени и до дачи показаний (1767) находился в улусах, занимаясь торговлей.

Между тем, введя «в армянский закон» одну калмычку, женился на ней и имел от нее сына и двух дочерей. При Дондук-Даши, хотя он для занятия торговлей уезжал на 6 лет в Астрахань, но «к тамошним мещанам не приписался и числится калмыцким подвластным» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 388. Л. 68–69]. Или армянин Карапет Мануков был родом из крымского города Кафы: в 1743 г. приехал через Кубань в Кабарду, где дано было ему от кабардинского владельца Касая Атажукина проезжее письмо. С ним он прибыл в Кизляр и жил там два года. Оттуда с данным в канцелярии билетом был отпущен по его желанию в калмыцкие улусы для купечества и жил там несколько лет [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 342. Л. 253].

В конце 1757 г. руководитель калмыцких дел Н. Г. Спицын письменно обратился к астраханскому губернатору А. С. Жилину. Он напомнил, что указом из Коллегии иностранных дел от 23 декабря 1757 г. им обоим велено, принять необходимые меры для сбора пошлины с товаров, которые находились в калмыцких улусах и могли быть в ближайшее время увезенными турецкими и крымскими купцами. И впоследствии в подобных случаях поступать также, пока не решится вопрос об учреждении Енотаевской таможни. Н. Г. Спицын запросил таможенного служителя [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 312. Л. 68–69]. Одновременно руководитель калмыцких дел обратился к Дондук-Даши. Он рекомендовал наместнику: «Вам нужно мне давать знать о приезжающих отъезжающих купцах и о числе их товаров и для платежа пошлин ко мне присылать» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 312. Л. 95, 486]. Для практической же работы по сбору пошлин с крымских и турецких посланцев и торговцев в улусы был отправлен служитель астраханской портовой таможни П. Протопопов [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 312. Л. 95, 486–487].

Таможенное дело в это время успешно развивалось. Так, например, в челобитной жителя Полтавы И. А. Сущенкова, поданной 6 июня 1758 г. в Царицынскую комендантскую канцелярию, описывается, что он со своими спутниками торговался на ханском базаре, который, как обычно, находился при ставке хана. У ханского поверенного зай-

санга Санжи Бабы они купили 500 быков, 70 лошадей. Для сбора пошлины с продажи скотины определенный от зайсанга Санжи калмык Бегердиж и нанятый для пастьбы купленной скотины калмык Лозон [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 307. Л. 681].

3 мая 1758 г. от А. С. Жилина была подана записка Дондук-Даши во время встречи по поводу провозглашения последнего ханом. В ней говорилось, что «грузинский армянин» Папа Григорьев как за Волгой, так и в калмыцких улусах, пользуясь поддержкой новоиспеченного хана, единолично скупает дешево у калмыков «хлопчатую бумагу», а астраханским фабрикантам запрещает покупку. Затем он перепродает им же хлопчатку по дорогой цене по своему собственному усмотрению, которую они и вынуждены покупать, чтобы не останавливать работу. Указами же из Мануфактур-коллегии велено фабрикантам покупать самим бумагу, а перекупщикам запретить торговлю. Тем самым в записке обозначен запрос на свободный торг [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 307. Л. 879–880; История Калмыкии 2009: 335].

В XVIII в. в связи с расширением внешней торговли, появлением и увеличением иностранных торговцев и профессиональных купцов усложнялись правила торговли, которые постепенно распространялись и на собственно калмыцкий народ, в среде которых появлялись во все более растущих количествах постоянные торговцы и купцы. В связи с таким положением учащались случаи возникновения споров, недоразумений и т. п., доводившиеся до судебных разбирательств. Калмык Узюл согласился торговать совместно «с находящимися в Астрахани» греками Иваном и Юрием Ивановыми, покупая на калмыцком Митинском базаре сало и кожу. По привозу и продаже товара в Астрахани полученную прибыль договорились делить поровну. Одно лето Узюл летом на том базаре покупал сало и кожу вместе с Юрием Ивановым, а купленное они присылали в Астрахань, где для приема находился Иван. Узюл деньги у себя никогда не держал, а когда нужно было, брал у Ивана, у которого и находились деньги. Когда же пришло время делить прибыль, то Иван заявил, что Узюл и Юрий не отдали

ему 427 рублей и после того, когда они их отдадут, тогда Иван поделит прибыль. Греки меж собой не сговорились. Был третейский суд. С каждой стороны были свидетели по два человека. От грека Юрия — русский посадский человек С. Прохоров и грек С. Аналиев. От Узюла — армянин П. Матвеев и калмык Басанг Маштыков. Доказана была вина Юрия, но потом С. Прохоров отказался это подтвердить. Узюл подал прошение о пересмотре дела [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 350. Л. 228, 233].

В письме полковнику М. С. Лебедеву от 17 июня 1764 г. наместник Убаши отмечал, что торгующие калмыки жалуются на действия таможенных служителей, особенно на клеймения товаров [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 337]. Астраханская торговая таможня отвечала, что жалобы таковых торговцев не справедливы, так как на ввезенных в улусы для продажи товаров не ставится таможенная печать, а также калмыки не бывают на заставах. Как правило, на заставах печать ставили на товарах армян, астраханских татар и других. На вводимые в улусы товары даются билеты, чтобы те купцы, никуда не заезжая, являлись в Енотаевскую таможню для осмотра. При обратном отъезде на том билете той таможней писалось, все ли указанные товары были привезены [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 361–362].

Руководитель калмыцких дел И. А. Кишенской доносил Н. Г. Бекетову 2 октября 1768 г., что наместник Убаши выражает неудовольствие. Оно было вызвано тем, что спорные вопросы в отношениях между калмыками и русскими в Астрахани, а также с армянами, татарами и т. д. разбирались в магистрате, армянском радгаузе, азиатском татарском суде. Однако бодокчеев на них не приглашали, рассмотрение дел происходило в их отсутствие и о решении объявляли позже. Наместник просил, чтобы все такие разбирательства производились в присутствии бодокчеев. По этому доношению Н. Д. Бекетов указал производить рассмотрение дел в присутствии бодокчеев [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 403. Л. 543].

После очередной поездки «состоящий при калмыцких делах» Н. Г. Спицын доно-

сил в Коллегию иностранных дел от 25 октября 1759 г., что он, посещая хана, заметил, что приезжавшие в улусы из Крыма и Кабарды торговые люди — армяне, татары и черкесы — «товар по недостатку у калмык денег и от того за продолжительным тех торговых людей» в улусах вынужденным проживанием «продают им калмыком по большей части на промен их калмыцких лошадей» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 322. Л. 76].

В доношении поручика С. С. Везелева И. Кишенскому от 23 мая 1768 г. указывалось, что находившиеся при наместнике астраханские татары, армяне, русские купцы и приезжие для торговли из разных городов люди продавали свои товары калмыкам и брали с них расписки с печатями наместника и других владельцев, а некоторые — расписки с засвидетельствованием определенного при базаре дарги. Все расписки для объявления приносили поручику, чтобы перевести на русский язык и чтобы в указанных местах были объявлены [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 407. Л. 567]. Между тем положение народных масс ухудшалось, что было замечено русской администрацией. Обратили внимание на то, что наместник «имеет отяготительную подвластную народу торговлю, отдавая из корысти своей на откуп армянам и татарам» в разных местах скупать у калмыков «в одни руки скотское сало, кожи и тому подобное» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 489]. Это было сказано «состоящим при калмыцких делах» полковником А. Д. Бехтеевым в рапорте астраханскому губернатору Н. А. Бекетову.

В ответе А. Д. Бехтееву было сказано, что отдача на откуп сала и кож происходит «издревле» у калмыков от хана или наместника в двух местах: в состоящих при них базарах и в урочище Митинском на луговой стороне Волги, в прочих владельческих улусах никакого запрета такой практики не существует. Дальше отмечалось, что все главные правители ханства отдают сало и кожу не из какой-либо корысти или прибыли, «но только из одной своей милости больше бедным людям, кои имеют на себе немалые долги, для заплаты оных. Об указах же о коммерции, как наместник, так и бывшие

до него ханы, понятия не имеют, и те указы, да и все другие, которые до их народа собственно не относятся, к ним никогда не присылаются, а оставлены они, калмыки, во всем на своих правах и вольности» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 489].

И. А. Кишенской в рапорте Коллегии иностранных дел от 8 декабря 1766 г. совершенно обоснованно назвал две из причин обеднения рядового калмыцкого населения. Со времени вступления в калмыцкие дела, им замечено, что многие наместники и владельческие калмыки, а особенно зайсанги, от пьянства и разорительной картежной игры вошли в такие неоплатные долги, что вынуждены были выкупать их с немалым отягощением на аймаки [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 386. Л. 202–203]. Притом с некоторого времени заведены были в калмыцком народе и разные откупы, которыми также пользовались астраханские армяне. И. А. Кишенский неоднократно настаивал на отмене откупов и, наконец, от Зарго прекратил подобные дела. Уничтожены были и откупы, «кроме горячего вина, с которого издревле у них откуп заведен, и получаемый от того доход на содержание наместникова дома положен, зачем ко оставлению онаго никаким образом склонить ево, наместника, не мог» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 386. Л. 202–203]. Необходимо отметить, что в армянские долговые сети попадали и некоторые нойоны. На владельце Солтоне в январе 1748 г. висел долг в 1 500 рублей. Астраханский армянин В. С. Шерабашев выдавал ему суды. Крупно задолжал и известный в калмыцкой истории нойон Замьян. В июне 1771 г. он писал Н. А. Бекетову, что «имеет на себе долгу астраханскаго армянина Петроса до тысячи рублей, которой долг каким образом заплатить, способа не находя, предает на рассмотрение губернаторское» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 16. Л. 135]. В марте 1788 г. Астраханская управа благочиния подала губернатору Л. С. Алексееву

ведомость, что калмыки должны только по г. Астрахани разным людям (взятые под лов рыбы и т. п.) 110 816 рублей. Л. С. Алексеев дал предписание калмыцкой канцелярии «приложить во удовольствие заимодавцев попечение, сообразуясь к состоянию калмык» [НА РК. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 1].

В XVIII в. определенные связи существовали между Калмыкией и Кабардой. Так, в начале января 1759 г. к хану Дондук-Даши приехали кабардинской кашкатауской партии владельцы Джамбулат Кайтукин и Аджигирей Тембулатов с 40 людьми и 3 января были приняты ханом ранее, — в 1757 г., Дондук-Даши послал письмо к князьям Бамату Коргокину, Касаю Атажукину, чтобы они вернули захваченное у князей Кайтукиных, так как они его кунаки, если же не вернут, то грозился: «...а я на вас буду» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 307. Л. 55]. И. А. Кишенскому было поручено выяснить о торговых дорогах из Астрахани в Кабарду и Крым. И. А. Кишенской узнал без труда и подробно описал в рапорте Н. А. Бекетову торговые пути в Кабарду. Что же касается дороги в Крым, он не смог выяснить о дорогах и объяснял это тем, что калмыки не ездили давно в Крым и на Кубань [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 388. Л. 114]. Эти вопросы были обусловлены разворачиванием борьбы за Крым между Россией и Турцией.

4. Заключение

Рассмотренный материал показывает, что калмыки, будучи кочевым народом, не могли серьезно соперничать с оседлым населением в глубине, сложности и частоте торговых операций. По этой причине в XVIII в. доминирующую роль в торговле калмыков с соседним населением и с самими калмыками захватили крымские и кубанские армяне. В то же время постепенно складывался небольшой слой и калмыцких торговцев.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской Империи.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.
National Archive of the Republic of Kalmykia

Литература

- Житецкий 1893 — *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения. 1884–1886 гг. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 75 с.
- История Калмыкии 2009 — *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней.* Т. I. Элиста: ГУ ИД «Герел», 2009. 846 с.
- Карагодин 1981 — *Карагодин А. И.* Калмыцкий базар [из истории торговых отношений в Калмыкии во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.] // Исследование по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста: КНИИЯЛИ, 1981. С. 31–48.
- Костенков 1870 — *Костенков К. И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: М-во гос. имуществ. 1870. 171 с.
- Небольсин 1852 — *Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса, составленные Павлом Небольсиным. СПб.: Тип. Крайя, 1852. 192 с.
- Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 290 с.

References

- Zhitetsky I. A. Essays on Household Life of Astrakhan Kalmyks: Ethnographic Observations, 1884–1886. Moscow: M. Volchaninov, 1893. 75 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. 846 p. (In Russ.)
- Karagodin A. I. Kalmytsky Bazar, mid-eighteenth to mid-nineteenth centuries: Some insights into Kalmykia's trade relations. In: Naberukhin A. I. (ed.) Kalmyk ASSR: Studies in Historical Geography. Elista: Kalmykia Research Institute of Language, Literature and History, 1981. Pp. 31–48. (In Russ.)
- Kostenkov K. I. Kalmyk Nomads of Astrakhan Governorate: Historical and Statistical Accounts. St. Petersburg: Ministry of State Property, 1870. 171 p. (In Russ.)
- Nebolsin P. I. Kalmyks of Khoshoutovsky Ulus: Essays on Household Life. St. Petersburg: K. Kray, 1852. 192 p. (In Russ.)
- Nefedyev N. A. Volga Kalmyks: Detailed Eyewitness Accounts. St. Petersburg: K. Kray, 1834. 290 p. (In Russ.)

